

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ В.С. СТЕПИНА

Писарчик Т.П., канд. филос. наук, доцент,
Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент
Оренбургский государственный университет

Концепция развития науки В.С. Стёпина вызывала и продолжает вызывать большой интерес у философской общественности России и других стран. Идеи выдающегося философа отражены в двухтомнике его избранных работ [см.: 21; 23]. Вышли сборники, посвященные идеям и творчеству российского философа [см.: 10; 28]. Концепция Стёпина содержит глубокий анализ тенденций и этапов развития науки, а также проблемы социокультурной детерминации научного познания. Стёпин дал весьма обоснованную критику идей Т. Куна и опередил в своих исследованиях, по свидетельству Ханса Ленка, выводы ряда западных ученых относительно природы современной науки и присущих ей характерных черт [7, с. 77]. Изучая концепцию Стёпина, Б.Г. Юдин указал на такой важный момент, что науку можно анализировать в двух аспектах – «от науки» и «от культуры» [11, с. 120]. Как указывает Юдин, В.С. Стёпин ведет анализ науки «от науки». Стёпин положительно отреагировал на замечание Юдина, особенно ему импонировал «образ форм культуры как монад, резонирующих друг с другом в процессе своего развития» [11, с. 369], предложенный Юдиным. Развивая свою концепцию науки, Стёпин, на наш взгляд, постоянно усиливал аспект анализа науки «от культуры».

1. Образы науки: «чистая наука» и «технонаука»

В философии науки хорошо известны признаки и характерные черты фундаментальной и прикладной науки. Об этом пишет Б.И. Пружинин: «Общая цель фундаментальной науки – знание о мире как он есть сам по себе, объективная картина мира. Конечная цель прикладной науки – предписание для производства, точный и технологически эффективный рецепт» [15, с. 178]. С середины XX столетия под влиянием развития производства и техники практическое приложение знания выходит на первый план и определяет даже эпистемологические установки познавательной деятельности, а не только ориентации на решение технических задач. Стандартный познавательный цикл (фундаментальные исследования → прикладное знание → техническое решение), согласно Пружинину, оказался разорванным [там же].

Западная философия науки (логический позитивизм, К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, С. Тулмин) представили широко известный образ фундаментальной науки как науки «чистой», занимающейся только поиском истины, разработкой методологии познания, созданием концептуального аппарата и идеализированных объектов, и существенно отличающейся от прикладной науки, имеющей тесную связь с технологией и направленной на применение научных знаний на практике. Согласно К. Попперу, схема развития

науки следующая: выдвигается проблема (P_1), которую необходимо решить, для этого предлагается теория (T_1), которую надо проверить, то есть фальсифицировать (Е). Если находятся факты, опровергающие эту теорию, то она отбрасывается и вместо нее выдвигается новая теория (T_2), и ход познания повторяется [14, с. 455]. Концепция Поппера, безусловно, интересна и поныне.

Большие дискуссии в свое время вызвали и концепции развития науки Т. Куна и И. Лакатоса. Интерес к ним проявляется и сегодня. Вл.П. Визгин пишет: «Модели Куна и Лакатоса в той или иной мере (вторая, на мой взгляд, более успешно) могут быть применены для описания и осмысления реальных ситуаций в истории науки именно потому, что некоторые их основные идеализации хорошо согласуются с опытом и интуицией действующих историков науки. Так обстоит дело и с понятием научной революции, по крайней мере, в области истории точного естествознания» [2, с. 184].

Томас Кун обосновал в своей работе «Структура научных революций» (1962) концепцию некумулятивного характера развития науки. Он занимает позицию несоизмеримости парадигм и утверждает, что старая парадигма элиминируется из науки, ее место занимает новая. Меняется словарь науки. Кун пишет: «Поскольку новые парадигмы рождаются из старых, они обычно вбирают в себя большую часть словаря и приемов, как концептуальных, так и экспериментальных, которыми традиционная парадигма ранее пользовалась. Но они редко используют эти заимствованные элементы полностью традиционным способом. В рамках новой парадигмы старые термины, понятия и эксперименты оказываются в новых отношениях друг с другом» [5, с. 194]. В период «нормальной науки», согласно Куну, происходит углубление исследований на основе работающей парадигмы, уточнение фактов, а также предсказание фактов. Но если накапливаются «аномальные факты», то возникает кризис и в поисках истины ученые вынуждены переходить к новой парадигме. Происходит научная революция. Переход этот происходит тяжело, не для всех ученых он приемлем, но несмотря на это смена парадигм осуществляется быстро, «подобно переключению гештальта» [5, с. 196]. Здесь не учитывается связь науки с технологией, поэтому по поводу концепции Куна А.Л. Никифоров замечает следующее: «Парадигма отбрасывается, но разработанная ею технология экспериментирования и промышленного производства сохраняется и наследуется новой парадигмой. Несмотря на смену парадигм, технология совершенствуется – и это совершенствование техники служит наглядным свидетельством прогресса науки» [12, с. 337].

Однако существует и другое понимание науки, которое выдвинул В.С. Стёпин. Согласно его подходу, деление наук на фундаментальные и прикладные не является столь резким. Естественная наука с момента своего формирования в XVII веке в виде экспериментального естествознания представляет собой не чистый поиск истины, а «технонауку». Поэтому он дает следующее определение науки: «Наука ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности (объект в исходном состоянии) в соответствующие продукты (объект в

конечном состоянии). Это преобразование всегда определено сущностными связями, законами изменения и развития объектов, и сама деятельность может быть успешной только тогда, когда она согласуется с этими законами. Поэтому основная задача науки – выявить законы, в соответствии с которыми изменяются и развиваются объекты» [20, с. 39-40]. К точке зрения В.С. Стёпина присоединились В.И. Аршинов, В.Г. Горохов, Е.А. Мамчур [31], а также А.Л. Никифоров [12, с. 327]. Стёпин считает, что «технонаука» возникает в Новое время, тогда же возникает и «техногенная цивилизация» [18], а «постнеклассическая» наука – продукт второй половины XX века. В.С. Стёпин «...практически с самого начала своей научной деятельности видел проблемы философии науки в эволюционной оптике становящейся постнеклассической междисциплинарности, в многомерной перспективе конвергенции естественно-научного и социогуманитарного знания» [1, с. 7]. Он предложил свой взгляд на развитие науки в виде динамически развивающейся исторической системы [16, с. 248]. Общее устремление Стёпина, при этом, заключается в разработке исследовательской программы построения единой картины мира на базе стратегии универсального эволюционизма.

2. «Техногенная цивилизация»

Традиционные общества были характерны для Востока, а в Западной Европе сложилась «техногенная цивилизация», для которой было характерно быстрое изменение техники и технологий на основе научных достижений [18, с. 3]. При этом развитие данной цивилизации шло не только через социальные революции (в Нидерландах, Англии, Франции), но и посредством научно-технических революций. «Техногенная цивилизация начала разбег в XVII-XVIII столетиях, в эпоху подготовки и развертывания первой промышленной революции, становления науки нового времени, ранних буржуазных революций, закрепляющих господство капиталистических отношений» [18, с. 4], – пишет В.С. Стёпин. В эпоху Просвещения, согласно Стёпину, окончательно сложилась система ценностей техногенной цивилизации [18, с. 5-6]: 1) ценность активной деятельности человека, преобразующей природу, господство над природой; 2) понимание природы как неисчерпаемой и бесконечно возобновляемой кладовой ресурсов; 3) ценность активной, суверенной личности, свободной индивидуальности; 4) ценность быстрых изменений, инноваций, технического прогресса и «ценность науки как основы управления социальными процессами»; 5) новое понимание власти и силы, когда старое понимание власти, как власти над *людьми*, дополняется пониманием власти, как власти над *объектами* (природными и социальными).

Долгое время эти ценности служили основой научно-технического и социального развития западной цивилизации, но уже с середины XX века человечество столкнулось с глобальными проблемами и угрозами, часть которых возникла именно по причине неконтролируемого предшествующего развития науки и техники. По сути дела научно-технический прогресс бросал вызов человечеству и ставил его на грань самоуничтожения. Как реакция на влияние научной рациональности на ход развития мировых процессов возникли

антисциентистские направления, предлагающие остановить научно-технический прогресс. Стёпин видит другое решение: придать научно-техническому прогрессу гуманистическое измерение [18, с. 6]. На необходимости этого настаивал и другой наш выдающийся философ Иван Тимофеевич Фролов [см.: 25; 26; 27]. Необходимо было обосновать новый облик науки, включающий в себя гуманистические ценности и установки. Эту работу проделали каждый в своем направлении В.С. Стёпин, И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин.

3. Типология научных революций и типов рациональности в философии науки В.С. Стёпина

В истории науки Стёпин выделяет несколько глобальных научных революций и несколько типов рациональности. Он пишет: «В динамике научного знания особую роль играют этапы развития, связанные с перестройкой исследовательских стратегий, задаваемых основаниями науки. Эти этапы получили название научных революций» [20, с. 533]. В ходе научной революции происходит выбор новых стратегий исследования, и связано это не только с предсказанием новых фактов и формированием новых теоретических моделей, но объясняется и причинами социального и культурного порядка [22, с. 284]. Рост научных знаний, согласно Стёпину, может происходить двумя путями. «Первый из них связан с конкуренцией исследовательских программ в рамках отдельно взятой отрасли науки. Победа одной и вырождение другой программы направляют развитие этой отрасли науки по определенному руслу, но вместе с тем закрывают иные пути ее возможного развития» [20, с. 611]. При этом Стёпин полагает, что рост знания в науке идет нелинейно, через точки бифуркации, где представлено несколько векторов развития. Представление же о жесткой детерминированности развития науки возможно, по Стёпину, только ретроспективно, когда известен окончательный результат и понятна логика идей. «Второй аспект нелинейности роста научного знания, – пишет В.С. Стёпин, – связан со взаимодействием научных дисциплин, обусловленным, в свою очередь, особенностями как исследуемых объектов, так и социокультурной среды, внутри которой развивается наука» [20, с. 616]. Из рассуждений Стёпина видно, что он уделяет большое внимание тому аспекту развития науки, который связан с мировоззренческой и культурной детерминацией научного развития.

«В развитии науки начиная с XVII в. до нашего времени специалисты выделяют либо два этапа – классическая и неклассическая наука, либо три» [29, с. 460]. В.С. Стёпин выделяет три этапа развития науки: «...в историческом развитии науки начиная с XVII столетия возникли три типа научной рациональности и соответственно три крупных этапа эволюции науки, сменявшие друг друга в рамках развития техногенной цивилизации: 1) классическая наука...; 2) неклассическая наука; 3) постнеклассическая наука» [24, с. 187]. Ядром классической науки является ньютоновская механика, неклассической науки – квантовая физика и релятивистские теории; постнеклассической науки – теория самоорганизации (синергетика) и идеи

термодинамики неравновесных процессов. При этом В.С. Стёпин отмечает, что три вида научной рациональности сложились в ходе четырех глобальных научных революций. Первая революция произошла в XVII веке и привела к возникновению классического естествознания, которое характеризовалось тем, что в нем объект познания рассматривался как полностью независимый от субъекта и средств познания. Это наглядно показано в схеме: $\{C \rightarrow (O)\}$ [6, с. 748], здесь субъект отделен от объекта и противопоставлен ему, целью научного познания является только объект, а информация о субъекте устранялась на заключительном этапе исследований. Целью познания на этом этапе выступала абсолютная истина; природа рассматривалась как машина, организованная на основе законов механики; в понимании природы господствовал механистический детерминизм; изучаемые объекты рассматривались как «малые системы», то есть механические устройства. При этом малой системе присуще небольшое количество элементов и жестко детерминированные связи. Их движение рассматривается как перемещение в пространстве, а причинность трактуется в лапласовском смысле. Онтологическую составляющую философских оснований естествознания XVII-XVIII веков представляли категории «вещь», «процесс», «часть», «целое», «причинность», «пространство» и «время» и т.д. «Эта категориальная матрица обеспечивала успех механики и предопределяла редукцию к ее представлениям всех других областей естественнонаучного исследования» [20, с. 621].

Вторая глобальная научная революция произошла в конце XVIII – первой половине XIX века, которая привела к возникновению дисциплинарно организованной науки. Глубоко охарактеризовал способы организации знания и движение науки от античной эпистемы через средневековую доктрину к рационально обоснованной дисциплинарной структуре науки Нового времени А.П. Огурцов [13]. В науке происходит формирование новых дисциплин и специальных картин мира – биологической, химической, геологической. Из биологии и геологии в другие науки проникают идеи эволюции, в том числе и в физику. Возникает интерес к проблемам дифференциации и интеграции научного знания. Эти две научные революции проходили как процесс возникновения и утверждения классической науки.

Третья революция длилась с конца XIX до середины XX века и в ее ходе меняется стиль мышления и возникает новое, неклассическое естествознание [20, с. 622]. Формируется и новый тип рациональности – неклассическая рациональность, в которой существенно усилилось внимание к субъекту познавательной деятельности и рефлексия над эпистемологическими процессами. Схема неклассики некоторым образом усложняется: $\{C \rightarrow (Cp. \rightarrow M)\}$, так как для описания объекта необходимо учесть материал действия, а также средства (приборы), которые применялись в исследовании [6, с. 748]. То есть здесь средства отделяются от субъекта, объективируются, а описание объекта независимо от средств теперь сделать невозможно. И происходит осознание того, что картина мира зависит от экспериментальной и теоретической работы ученого или наблюдателя. М. Борн в работе «Физика в

жизни моего поколения» пишет: «Никакое явление в атомном мире не может быть описано без ссылки на наблюдателя..., на весь его образ действия при выполнении наблюдения, на установку приборов и т.д. Само наблюдение изменяет ход событий». Сходные мысли мы находим и у В. Гейзенберга: «Познание природы всегда уже предполагает присутствие человека, и надо ясно осознавать, что мы, как выразился Бор, не только зрители спектакля, но одновременно и действующие лица драмы» [3, с. 295].

На этапе неклассической науки произошел отказ от стремления к получению абсолютного знания и осознано то, что реально в науке выстраивается относительно истинная картина действительности. Произошел отказ и от прямолинейного онтологизма, который был присущ классическому естествознанию, когда физические понятия и онтологические категории рассматривались как составляющие истинной картины мира. Была осознана роль приборов в описании физических объектов. Стёпин пишет: «...в квантово-релятивистской физике в качестве необходимого условия объективности объяснения и описания выдвигается требование четкой фиксации особенностей средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом...» [20, с. 623]. В неклассическом естествознании исследуются уже не «малые системы», а «сложные саморегулирующиеся системы». Происходит перестройка картин реальности ведущих областей естествознания. Природа теперь рассматривается как сложная динамичная система, и каждая естественная наука привносила в эту картину свой вклад. «Тем самым, – пишет В.С. Стёпин, – создавались предпосылки для построения целостной картины природы, в которой прослеживалась иерархическая организованность Вселенной как сложного динамического единства» [20, с. 624].

Осмысление результатов второй научной революции привело историков науки к выводу о наличии в развитии науки не только объектной составляющей, но и субъектной. Например, Т. Кун предложил свой вариант проблемы включенности субъектных параметров в научное знание, согласно которому выбор парадигмы не зависит от логики развития науки, а зависит от решения ученых, не подчиняющегося рациональным научным установкам, а относящегося, скорее, к психологическим, культурным, социальным аспектам жизни и познания. Согласие ученых по вопросу о принятии новой парадигмы, по Куну, достигается не только на рациональном основании, но еще большую роль играют факторы личностные, психологические и даже эстетические. У В.С. Стёпина обнаруживается другой подход к вопросу о влиянии субъектного фактора на развитие научного познания. «Для него, – пишет Л.А. Маркова, – торжество новой теории означало прежде всего смену базовых оснований теоретического знания. Он считает необходимым проводить анализ структуры и функций оснований науки» [9, с. 348-349]. Согласно Стёпину, культура (религия, мифология, философия, искусство, право, мораль и т.д.) влияет на процессы выработки и формирования научных идей. Это происходит в виде воздействия «культурной матрицы» определенного времени (эпохи), то есть системы категорий и принципов, оказывающих воздействие на ученых. Целые

слои культуры задействованы в этом процессе влияния на науку, и это влияние опосредуется основаниями науки. Стёпин отмечает: «...основания науки – это посредник между наукой и остальной культурой, включающей и вненаучные формы знания» [17, с. 45].

Четвертая глобальная революция, согласно Стёпину, началась в середине XX века и привела к формированию постнеклассической науки. На этом этапе меняется сам характер научной деятельности, что вызвано компьютеризацией науки и появлением «сложных и дорогостоящих приборных комплексов» [18, с. 15], наряду с дисциплинарными исследованиями широкое распространение получают междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследований. Междисциплинарность исследований играет значительную роль в развитии современной науки, так как научные революции могут происходить как в результате внутридисциплинарного развития, так и за счет междисциплинарных связей, то есть распространения парадигмальных установок одной науки на другие науки [20, с. 534]. Г.Г. Малинецкий приводит в качестве примера такой междисциплинарной исследовательской программы возникновение математической истории [8]. Программа математической истории сегодня прорабатывается и в отечественной и в зарубежной науке.

Стёпин показывает, что постнеклассическая наука изучает «исторически развивающиеся системы» или «саморазвивающиеся системы» [20, с. 628]. Первыми науками, изучавшими исторически развивающиеся системы, были биология, астрономия и геология. Затем идею эволюции стала активно применять физика. Современная космология исследует развитие Метагалактики. Такое же значение имеют и исследования И. Пригожина в области термодинамики неравновесных процессов, а также исследования Г. Хакена по синергетике. Стёпин отмечает важность идей эволюционизма и историзма в синтезировании частнонаучных картин мира в общенаучную картину мира [20, с. 629]. Синергетика и теория И. Пригожина для Стёпина весьма важны как фундаментальные основания постнеклассической науки.

Схема постнеклассической науки еще более усложняется: $\{C \rightarrow (ЦЦ \rightarrow Ср. \rightarrow M)\}$ [6, с. 748]. Согласно этой схеме, для полного описания объекта необходимо включить цели и ценности, в соответствии с которыми происходит отбор средств, планирование эксперимента, воздействие на материал и т.д. В.В. Ильин предложил понятие «неонеклассика» [4], а смысл вкладывает в этот этап развития науки такой же, как и этап постнеклассической науки у Стёпина. Если классика рассматривала знание (истину) как цель, то неонеклассика исходит из того, что знание – это средство, при этом познавательная экспансия, по Ильину, должна подвергаться гуманитарной экспертизе. Но Ильин указывает в этом вопросе на важный момент: если в классической науке действует эпистемологический принцип «знание – цель», то в постнеклассической он сменяется антропологическим принципом «знание – средство». Знание дескриптивно (его цель – истина), а ценность прескриптивна, то есть она предписывает ориентироваться на экзистенциальное измерение [4, с. 32]. Развитие науки в этом случае предстает как процесс взаимодействия множества

социальных, культурных, познавательных, ценностных практик, порождающих единую картину реальности, находящейся в постоянной динамике.

4. Гуманитаризация научной рациональности

Постнеклассическая наука, согласно В.С. Стёпину, направлена на изучение «человекоразмерных объектов». Он пишет: «При изучении «человекоразмерных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинают играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия» [24, с. 186]. В результате изменяется идеал ценностно нейтрального исследования, культивировавшийся в классической науке. Теперь получение объективно-истинного объяснения и описания «человекоразмерных» объектов сопровождается включением в состав объясняющих положений и аксиологических факторов [19, с. 166]. Это вызывает необходимость прояснения взаимодействий внутринаучных ценностей (стремление к получению объективно истинного знания, пользование эффективным методом познания) с вненаучными ценностями, лежащими в пределах социальных, исторических и культурных процессов и явлений.

К точке зрения В.С. Стёпина о специфике постнеклассической науки присоединяется и В.С. Швырев, который отмечает: «...при рассмотрении «человекоразмерных реальностей»... приходится принимать определенные решения, т.е. переходить на позиции *проектно-конструктивного практического* сознания, на которые не могут не влиять существенным образом ценностные, в частности, этические представления» [30, с. 491]. То есть речь идет о том, что в случае, когда мы имеем дело с человекоразмерной проблемной ситуацией должны учитываться условия испытаний и экспериментов, возможные последствия, пути нейтрализации негативных последствий, возможности отказа от опасных проектов или введения моратория на них. Кроме этого, в человекоразмерной проблемной ситуации исследование должно вестись на основе совершенно иной «категориальной матрицы», чем в классической и неклассической науке.

Значение идей В.С. Стёпина подчеркнуто Х. Ленком [7, с. 75-76]. Нам остается добавить, что они весьма продуктивны и касаются не только проблем развития науки, но и развития цивилизации, а также ключевых проблем философской антропологии и философии культуры.

Список литературы

1. *Аришинов, В.И. Введение. На пути к единой картине мира / В.И. Аришинов, И.Т. Касавин // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина / под ред. В.И. Аришинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – С. 7-22.*

2. Визгин, Вл.П. О проблеме научных революций и их типологии / Вл.П. Визгин // Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика В.С. Стёпина. – М.: Канон+, 2004. – С. 179-195.
3. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М.: Прогресс, 1987. – 368с.
4. Ильин, В.В. Классика – неклассика – неонеклассика / В.В. Ильин // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». – 1993. – № 2. С. 16-34.
5. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Издательство АСТ, 2001. – 608 с.
6. Лекторский, В.А. Постнеклассическая наука и социокультурный контекст / В.А. Лекторский, В.И. Аришинов, В.Ю. Кузнецов, Б.И. Пружинин // Вестник Российской Академии наук. – 2016. – Т. 86. - № 8. – С. 745-753.
7. Ленк, Х. Международное значение философских идей В.С. Стёпина / Х. Ленк // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина. – М.: Альфа-М, 2014. С. 75-82.
8. Малинецкий, Г.Г. Синергетика, междисциплинарность и постнеклассическая наука XXI века / Г.Г. Малинецкий // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина / под ред. В.И. Аришинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – С. 505-546.
9. Маркова, Л.А. Специфика социального характера неклассической науки / Л.А. Маркова // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина / под ред. В.И. Аришинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – С. 347-364.
10. Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина / под ред. В.И. Аришинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – 768 с. – ISBN 978-5-98281-402-9.
11. Научные революции в динамике культуры: сб.ст. – Мн.: Издательство «Университетское», 1987. – 384 с.
12. Никифоров, А.Л. Наука и ее роль в развитии человечества / А.Л. Никифоров // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина / под ред. В.И. Аришинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – С. 327-346.
13. Огурцов, А.П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование / А.П. Огурцов. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
14. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 606 с.
15. Пружинин, Б.И. Фундаментальная наука и прикладное исследование (к вопросу о социокультурных функциях знания) / Б.И. Пружинин // Наука в культуре / под ред. В.Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 169-184.
16. Рокмор, Т. Постнеклассическая концепция науки В.С. Стёпина и эпистемологический конструктивизм / Т. Рокмор // Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика В.С. Стёпина. – М.: Канон+, 2004. – С. 248-260.

17. Стёпин, В.С. *Важно, чтобы работа не прекращалась...* / В.С. Стёпин // *Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Стёпина*. – М.: Канон+, 2004. – С. 11-88.
18. Стёпин, В.С. *Научное познание и ценности техногенной цивилизации* / В.С. Стёпин // *Вопросы философии*. – 1989. – № 10. – С. 3-18.
19. Стёпин, В.С. *От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций)* / В.С. Стёпин // *Ценностные аспекты развития науки*. – М.: Наука, 1990. – С. 152-166.
20. Стёпин, В.С. *Теоретическое знание* / В.С. Стёпин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с. – ISBN 5-89826-053-6.
21. Стёпин, В.С. *Философия и методология науки. Избранное* / В.С. Стёпин. – М.: Академический проект, Альма Матер, 2015. – 716 с.
22. Стёпин, В.С. *Философия науки и техники* / В.С. Стёпин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. – М.: Гарадарика, 1996. – 400 с. – ISBN 5-7762-0013-X.
23. Стёпин, В.С. *Философская антропология и философия культуры. Избранное* / В.С. Стёпин. – М.: Академический проект, Альма Матер, 2015. – 542 с.
24. Стёпин, В.С. *Философская антропология и философия науки* / В.С. Стёпин. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с. – ISBN 5-06-003010-5.
25. Фролов, И.Т. *О человеке и гуманизме*. – М.: Политиздат, 1989. – 558 с.
26. Фролов, И.Т. *Перспективы человека*. – М.: Политиздат, 1983. – 350 с.
27. Фролов, И.Т. *Этика науки* / И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин. – М.: Политиздат, 1986. – 400 с.
28. *Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Стёпина*. – М.: Канон+, 2004. – 816 с. – ISBN 5-88373-225-9.
29. Черникова, И.В. *Анализ философских оснований постнеклассической парадигмы научности* / И.В. Черникова // *Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина* / под ред. В.И. Аришинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – С. 458-473.
30. Швырев, В.С. *О гуманитаризации современной научной рациональности* / В.С. Швырев // *Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика В.С. Стёпина*. – М.: Канон+, 2004. – С. 483-492.
31. *Эпистемология и философия науки*. – 2013. – № 2.